

Марианна Сканави–Строева
Мой любимый Коктебель

Впервые меня привезли в Коктебель в 6–летнем возрасте, а потом возили почти каждый год летом. Позже я ездила туда уже взрослая с детьми, еще позже – по писательским путевкам осенью, в сентябре. Поэтому у меня воспоминания о Коктебеле складываются из детских и взрослых впечатлений.

Первое, что бросилось мне в глаза – это пустота: на берегу голубой бухты – ни деревца, ни травы, только песок и камни, а справа над ними – высокие горы, целая гряда гор разной высоты и расцветки. Внизу – холмы, а под ними – белые дома: одноэтажные дачи с открытыми террасами, поставленные вдалеке от моря.

В одной из таких дач для нас с мамой и братом Шуриком сняла комнату сводная мамина сестра – тетя Люба; с ней жили ее дочери, наши двоюродные сестры – Леночка и Надюшка, а потом сюда приехал их отец – Евгений Николаевич Шретер.

Утром мы отправились с тетей Любой на рынок, чтобы купить еду и одежду: наша городская здесь не годилась. На нас надели трусы и майки, а на ноги – сандалии, сшитые из старых автопокрышек, стянутых сверху резиновыми ремнями (тут все, как мы заметили, ходили в такой обуви), а на голову нам надели тубетейки. Теперь мы не отличались от коктебельцев. Фруктов еще было мало – одни желтые абрикосы. На обед купить было нечего. Мы ограничились булками, яйцами и молоком.

На рынке мы увидели красивые белые суконные туфельки, обвязанные красной шерстью. Нам, девочкам, их купили. Тут же висели яркие покрывала, скатерти, платки и шарфы из разноцветной шерсти, но нам они были не по карману. Дома мы поели и отправились гулять. Но родители предпочли потом обедать у местной поварихи, а все остальное оставить на ужин.

Шурика, как старшего, сразу приняли на детскую спортивную площадку, а нам, младшим, было отказано. Он был очень горд, что его учат разным спортивным играм, а главное – будут учить по–настоящему плавать. Он нам не открывал свои секреты, уходил далеко вперед по берегу, за могила Юнга, и там нырял и плавал нам на зависть. Но мы эту премудрость и сами с Леночкой постигли, и уже через несколько дней тоже поплыли, оказалось легче, чем в речке. А Надюшка пока только бултыхалась в мелкой теплой воде (ей было 4 года).

Мы сразу заметили, что почти у воды остается узкая полоса прозрачных камушков (халцедонов), и стали искать в ней самые

драгоценные – агаты, сердолики, ферлампиксы, но их уже почти не осталось. Охотников за камнями было много, а камней мало.

С утра до обеда мы пропадали на море, а потом за нами приходил Евгений Николаевич и вел обедать к хозяйке. После обеда нас укладывали спать на топчанах, а Евгений Николаевич уходил в горы рисовать. Позже Леночку, а потом и Надюшку брал с собой, чтобы учить рисовать. С тех пор он с детьми не пропустил почти ни одного дня для рисования и они привозили в Москву целые выставки своих работ, акварели и позже пастели, что очень им пригодилось потом для поступления в Архитектурный институт. Я за ними не поспевала, т.к. только начинала учиться рисовать.

Меня увлекали мальчишки в горы и мы облазили весь Карадаг, осторожно спускались в «Мертвый город», где после древнего извержения вулкана остались причудливые фигуры словно окаменелых животных, граконов и даже «пещерных» людей, а внизу на море виднелись удивительно красивые «Золотые ворота», через которые проплывали и лодки и катера прямо к сердоликовой бухте. Там все копались в камнях, находили небольшие осколки сердоликов и агатов – и ими гордились.

В Коктебеле тогда главным сборщиком камней была Мариэтта Сергеевна Шагинян (я потом училась в школе с ее дочерью Мирель). Она приходила раньше всех, на восходе солнца, и тщательно «прочесывала» весь берег после вчерашнего прибоя. Наверное, у нее осталась большая и красивая коллекция, нам с ней невозможно было сравняться. Но все мы «каменной болезнью» тогда заболели.

В один из дней, когда мы раскапывали камешки на берегу, к нам приблизилась странная фигура в панаме, длинной полотняной рубашке до колен, а спине у него болталась полотняная сумка с бумагой, кисточками и красками. Он шел, опираясь на палку, шагая босиком по песку. Кто это? Шурик, который всегда все знал лучше всех, скомандовал нам: «Тихо! Это знаменитый художник и поэт Максимилиан Волошин. Вон там на берегу стоит его дом». Но мы, младшие, потешались над веревочкой, которая болталась у него до песка, и спрашивали шепотом: «Кому не слабо дернуть за веревочку?».

Кто-то самый дерзкий из нас дернул, когда Волошинов проходил мимо, веревка упала на песок. Он поднял ее, на ходу подвязал, недовольно пробурчал «Баловники!», и пошел дальше. Мы застыли и молча сидели, пока он не скрылся из глаз. Нам было стыдно. Шурик нас ругал. «Он рисует с того высокого холма, куда идет, свой профиль на вот этой черной горе – Карадаге». После этого мы не разу не проходили мимо Карадага, не взглянув на профиль Волошина. Его самого мы видели потом только мельком, идя мимо забора. Он умер в 1936 г. и похоронили его на том самом холме, где он

рисовал, а сверху положили широкую плиту темнокрасного мрамора, осыпав ее вокруг самыми красивыми коктейбельскими камешками, которые пока никто не трогал, хотя уже начались хождения экскурсантов. Туда мы поднимались каждый раз, когда ходили купаться в Мертвую или Тихую бухту около Хамелеона. Свежие цветы на могилу ставила его вдова Мария Степановна; она приводила в порядок дом и сад и на видном месте ставила наиболее драгоценные находки и дары, которые Волошин привозил из Индии. Статуэтка Нефертити красовалась отдельно на постаменте в гостиной.

Когда я научилась плавать под водой, мы с мальчишками спускались к морю у подножия Карадага, чтобы плавать в маске с трубкой. Мы выбирали самые интересные камни и погружались под воду в волшебное царство рыб, крабов, розовых водрослей, и оплывали все камни, пока хватало сил и воздуха. Наверху – по гребню карадагских гор мы шли вниз – к биостанции, где я с любопытством глядела на кормление дельфинов, почти ручных, а потом бежали на отходящий автобус, который довозил нас до Коктебеля (его переименовали тогда в Планерское, т.к. на длинной Столовой горе разбегались тогда планеристы). Нам важно было не опоздать к обеду, чтобы хозяйка не сердилась.

В другие дни мы поднимались на вершину Сюрю-кая, откуда открывался прекрасный вид на море и на весь Коктебель, спускаясь вниз по нарядному ущелью. На отлогой горе, спугнув мелких ящериц, гревшихся на солнце, мы находили каперсы, грибы, пышные розовые хризантемы и собирали на кустах ягоды. Ниже мы проходили мимо прежних разработок голубого – красного камня, мимо стада овец, живших на горе у хозяев около большого каменного дома, а оттуда до нашего белого дома с террасой было уже рукой подать, а еще ниже болгарская деревня с уютными двориками и гроздьями винограда. Деревня была совсем небольшая, но их изделия на рынке уже красовались.

Наш отец, Николай Александрович Сканави, мог приезжать к нам только на свой отпуск, и тогда тоже жил с нами. В один год он попробовал снять комнаты в доме-ротонде Дейши-Сионицкой¹, бывшей певицы, которая теперь держала пансион. В доме было несколько этажей с зелеными жалюзи, а в круглом внутреннем дворе находились для каждой семьи уютные беседки, увитые виноградом, куда нам подавали обед. Кормили очень вкусно, но все это вместе с комнатами было так дорого, что мы выдержали только один сезон, а потом снова от Дейши-Сионицкой переехали в скромный беленый болгарский домик и к прежней хозяйке с обедами.

---

¹ Мария Адриановна Дейша-Сионицкая (1859 – Котебель, 1932) драматическое сопрано, профессор Московской консерватории (1921–1932).

Во время войны дом Дейши-Сионицкой был разрушен, и восстанавливать его было некому, да и невозможно (он стоял с домом Волошина, справа от него). После войны там построили какие-то стандартные пансионаты, а дальше – Дом отдыха ЦАГИ, где отдыхали летчики-планеристы.

В Доме Волошина мы бывали позже, когда сам он уже был похоронен на том высоком холме, откуда он писал Карадаг. В доме нас принимала (благодаря Мирели Шагинян) вдова художника – Мария Степановна. Она сберегла дом при немцах и теперь принимала только друзей.